

Научная статья

УДК 343

DOI:10.17323/2072-8166.2022.1.115.139

Уголовный проступок: новые грани российского законодательства

**Борис Яковлевич Гаврилов¹, Виталий Александрович
Крымов², Юлия Викторовна Шпагина³**

^{1, 2, 3} Академия управления МВД России, 125993 Россия, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

¹ profgavrilov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4762-4729>

² krymov-19@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1463-6811>

³ iushpagina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7379-5452>

Аннотация

В контексте реформ современного российского уголовного законодательства одним из ключевых направлений являются вопросы либерализации уголовной ответственности, включая декриминализацию ряда преступлений, снижение уголовно-правовых санкций за отдельные виды противоправных деяний, исключение квалифицированных признаков неоднократности и повторности и ряд др. Особое место в затронутых вопросах занимает введение в российское законодательство уголовного проступка, в связи с чем возникает целый комплекс подлежащих обсуждению и разрешению вопросов, имеющих, в том числе и междисциплинарный характер. В настоящей научной статье авторами с применением научного методологического инструментария раскрыта в теоретико-прикладном аспекте заявленная проблематика и предложены пути ее решения. На примере исторического осмысления делается вывод о том, что российскому уголовному законодательству идея об уголовном проступке не нова и в современной действительности имеются все предпосылки к возвращению его концепции, что подкреплено доводами авторов, а также результатами других научных исследований. Цель исследования состоит в научно-теоретическом обосновании необходимости совершенствования уголовно-правового законодательства, включая выработку законодательных предложений по внесению изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, направленных на защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а также на производство по уголовному делу в разумный срок. Методы исследования: диалектический, формально-логический, конкрет-

но-социологический, историко-правовой, статистический, контент-анализ, юридико-технический анализ. Проведенное исследование позволило авторам сформулировать вывод о том, что совершенствование уголовно-правового законодательства видится в контексте дифференциации противоправных деяний на уголовные проступки и преступления и введение в уголовно-процессуальное законодательство для рассматриваемой категории деяний — протокольной формы расследования, что в целом призвано повысить уровень правовой и социальной защищенности как лиц и организаций, пострадавших от преступлений, так и лиц, впервые совершивших противоправные деяния, исправление которых возможно без применения мер уголовной репрессии.

Ключевые слова

уголовный проступок, досудебное уголовное судопроизводство, начало производства по уголовному делу, протокольная форма расследования, гарантии прав личности, защита прав и законных интересов

Для цитирования: Гаврилов Б.Я., Крымов В.А., Шпагина Ю.В. Уголовный проступок: новые грани российского законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 1. С. 115–139. DOI:10.17323/2072-8166.2022.1.115.139.

Research article

Criminal Misconduct: New Facets Of Russian Legislation

Boris Ya. Gavrilov¹, Vitaliy A. Krymov², Yulia V. Shpagina³

^{1,2,3} Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 8 Zoi and Alexandre Cosmodemianski, Moscow, 125993 Russia

¹ profgavrilov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4762-4729>

² krymov-19@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1463-6811>

³ iushpagina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7379-5452>

Abstract

In the context of the ongoing reforms of modern Russian criminal law, one of the key areas over the past two decades has been the liberalization of criminal responsibility, including the decriminalization of a number of crimes, the reduction of criminal sanctions for certain types of illegal acts, the exclusion of qualified signs of repetition and a number of others. A special place in the issues raised is occupied by the introduction of criminal misconduct into Russian legislation, in connection with which a whole range of issues to be discussed and resolved, which, among other things, are of an interdisciplinary nature, arises. In this scientific article, the authors, using scientific methodological tools, disclose the stated problem in the theoretical and applied aspect and suggest ways to solve it. Based on the example of historical comprehension, it is concluded that the idea of a criminal offense is not new to Russian criminal legislation, and in modern reality there are all the prerequisites for its return, which is supported by the arguments of the authors, as well as the results of other scientific

studies. The purpose of the study is to provide a scientific and theoretical substantiation of the need to improve the legislation of the criminal legal complex, including the development of legislative proposals for amending criminal and criminal procedural legislation aimed at protecting the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings, as well as criminal proceedings in reasonable time. Research methods: dialectical, formal logical, specific sociological, historical and legal, statistical, content analysis, legal and technical analysis. Results and key findings. The study allowed the authors to form a conclusion that the improvement of the legislation of the criminal legal complex is seen in the context of the differentiation of illegal acts into criminal offenses and crimes and the introduction of criminal procedure legislation for this category of acts — the protocol form of the investigation, which in general is designed to increase the level of legal and social protection of both persons and organizations affected by crimes, and persons who have committed illegal acts for the first time, the correction of which is possible without the use of criminal repression measures.

Keywords

pre-trial criminal proceedings, the beginning of criminal proceedings, criminal misconduct, protocol form of investigation, accelerated pre-trial proceedings, protection of rights and legitimate interests

For citation: Gavrilov B.Ya., Krymov V.A., Shpagina Y.V. (2022) Criminal Misconduct: New Facets of Russian Legislation. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 15, no 1, pp. 115–139 (in Russ.). DOI:10.17323/2072-8166.2022.1.115.139.

Введение

В интервью Российской газете Председатель Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедев отметил, что важным направлением совершенствования правосудия является гуманизация уголовного судопроизводства, основанием для чего является закрепление в ст. 2 Конституции Российской Федерации обязанности государства в части признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина¹. Реализуя принцип гуманизма, Постановлением от 13 октября 2020 г. Пленум Верховного Суда РФ внес в Государственную Думу проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»², которым предлагается в категорию уголовного проступка пере-

¹ Российская газета. Глава Верховного суда России Вячеслав Лебедев: Предлагаем внести в закон понятие «уголовный проступок». Available at: URL: <https://rg.ru/2020/10/13/glava-verhovnogo-suda-predlaguem-vnesti-v-zakon-poniatie-ugolovnyj-prostupok.html> (дата обращения: 30.03.2021)

² О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия

вести 112 составов преступлений, по которым в 2019 г. осуждено 68,1 тыс. граждан, из них — 49,6 тыс. граждан по составам преступлений в сфере экономической деятельности.

Актуальность данной проблематики обусловила активное обсуждение в научной среде и правоприменителями ряда вопросов, в том числе:

рассмотрение предложений представителей научной общественности [Воскобитова Л.А., 2017: 28–34] и правоприменителей [Гордиенко В.В., 2011: 3–5] об исключении из административного законодательства (Кодекса об административных правонарушениях РФ) деяний, являющихся по степени общественной опасности на «границе» административного правонарушения и преступления;

снижение уровня уголовной репрессии;

исключение из ч. 2 ст. 14 УК РФ такого понятия, как малозначительность деяния, не представляющего общественной опасности. Его наличие допускает возможность ежегодного принятия по заявлениям и сообщениям граждан и организаций о преступлениях от 6 до 7 млн. процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, чем нарушается конституционное право значительного числа граждан на их доступ к правосудию и возмещение причиненного ущерба (ст. 52 Конституции РФ);

упрощение процессуальных правил расследования по данному виду противоправных деяний с концептуальным изменением начала производства по уголовному делу при обязательном соблюдении уровня процессуальных гарантий прав и законных интересов всех участников уголовного процесса, что призвано снизить процессуальную нагрузку на органы расследования и суды, а также обеспечить экономию средств федерального бюджета на данный вид процессуальной деятельности, что в современных реалиях весьма актуально.

1. Дискурс в теоретико-правовую составляющую проблемы

Прежде чем дать анализ приведенных выше аргументов за введение (если быть точнее, то за возвращение) в российское уголовное законодательство уголовного проступка, следует отметить, что далеко не все представители научной общественности ратуют за такие изменения уголовного закона. Например, профессор Л.В. Головкин указывает на отсутствие должных правовых оснований для введения в российское законодательство уголовного проступка [Головкин Л.В., 2018: 127–136]. Интерес представляет и мнение

уголовного проступка»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 24 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.12.2020).

А.А. Толкаченко (заместителя Председателя ВС РФ (в почетной отставке)), который отмечает, что «в современных условиях введение уголовного проступка ... и судопроизводство по нему сами по себе не способны оказать принципиального влияния на уголовную политику и практику применения уголовного законодательства» [Толкаченко А.А., 2015: С. 137–150]. С данным тезисом можно согласиться, если институт уголовного проступка рассматривать в отрыве от перспективы совершенствования уголовного, административного и уголовно-процессуального законодательства в целом. Возвращение уголовного проступка рассматривается только как первый шаг к разрешению реально существующих проблем современного законодательства уголовно-правового комплекса [Рогова Е.В., 2020: 52–57].

В научном сообществе имеют место и иные высказывания о возможности «реализации в России идеи выделения из преступлений уголовных проступков», подробный анализ чего дан В.В. Дорошковым (судья ВС РФ (в почетной отставке)), который считает, что для объективной и всесторонней оценки сущности предлагаемых реформ не будет лишним анализ конкретной ситуации, где высказывались предложения о введении уголовного проступка, и выяснение причин — почему они были приняты либо отвергнуты. При этом от «того, какие преступления законодатель отнесет к уголовным проступкам, будет зависеть вектор уголовной политики государства на ближайшую перспективу» [Дорошков В.В., 2016: 31–39].

Идея введения в уголовное законодательство уголовного проступка далеко не нова. Видные советские ученые — Г.А. Кригер, Н.Ф. Кузнецова, М.Д. Шаргородский [Кригер Г.А., 1979: 7–8]; [Кузнецова Н.Ф., 1969: 167–170]; [Шаргородский М.Д., 1961: 78] и др. — высказывали идею выделения в уголовном законе такой группы общественно опасных деяний, как уголовные проступки. Фактически этим предлагалось их возвращение в советское законодательство, что было отражено в разработанном рабочей группой В.И. Курляндского в 1974 г. проекте Кодекса уголовных проступков³.

В последние годы отмечается расширение научной дискуссии в области дифференциации уголовной ответственности за совершение различных по степени тяжести общественно опасных деяний путем их градации на преступления и уголовные проступки [Акутаев Р.М., 2013: 41]; [Щедрин Н.В., 2012: 8]. Это вполне согласуется с активизацией проводимой государством начиная с 2003 г.⁴ политики либерализации уголовного наказания, на что российскими учеными-криминологами обращено особое внимание. Диффе-

³ Кодекс уголовных проступков: Проект. М.: Изд-во Всесоюзного ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1974. 120 с.

⁴ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

ренциация уголовной ответственности за совершение противоправных деяний, не представляющих значительной общественной опасности, сегодня обусловлена потребностью разработки современной уголовной политики, активное обсуждение которой имело место в ходе парламентских слушаний в Совете Федерации 18 ноября 2013 г.⁵ и 5 апреля 2017 г., где А.Л. Кудриным была предложена концепция совершенствования уголовного законодательства до 2025 г.⁶, предусматривающая в качестве одной из составляющих необходимость реформирования российского уголовного законодательства.

Предложение о возвращении уголовного проступка направлено на достижение цели более точной социально-политической и правовой оценки преступлений и уголовных проступков, производимой с учетом характера и степени общественной опасности противоправного деяния и лица, его совершившего. В связи с этим актуализируется и категория справедливости уголовного закона, которым может считаться только закон, отвечающий требованию социальной обоснованности криминализации или декриминализации преступных деяний, пенализации или депенализации преступлений. Если законодательная новелла не вызвана объективными требованиями жизни, то нельзя рассчитывать, что ее применение даст положительный эффект [Орехов В.В., 1985].

При исследовании категории уголовного проступка представляется целесообразным обратиться к высказыванию академика В.Н. Кудрявцева о том, что изучение социальной обусловленности права напрямую связано с тремя группами общественных отношений [Кудрявцев В.Н., 1995: 41]. Первая группа: общественные отношения, иные общественные явления и процессы (в нашем случае речь идет об уголовных проступках — примеч. авт.), вызывающие потребность (необходимость, желательность) в правовом регулировании, и соответствующие им социальные интересы. Вторая группа включает в себя общественные отношения в механизме правотворческой деятельности, стимулирующие, тормозящие или видоизменяющие ее развитие, где действуют интересы участников данного процесса. Третья группа охватывает общественное мнение, интересы и установки населения — граждан и должностных лиц, непосредственно не участвующих в подготовке законопроекта. Здесь проявляется отношение к процессу создания новой нормы права со стороны ее будущих адресатов.

Применительно к вопросу о том, имеются ли социальные интересы законодательного закрепления уголовных проступков, целесообразно обратиться

---

⁵ Парламентские слушания в Совете Федерации 18 ноября 2013 г. Available at: URL: <http://www.legislation.council.gov.ru> (дата обращения: 29.03.2021)

⁶ Парламентские слушания в Совете Федерации 5 апреля 2017 г. Available at: URL: <http://www.council.gov.ru> (дата обращения: 29.03.2021)

ся к проблеме снижения уровня уголовной репрессии, одна из цифр которой в 1998 г. составляла 1 млн. содержащихся в местах лишения свободы, что обусловило принятие государством ряда законодательных мер, включающих в себя: исключение из уголовно-процессуального законодательства еще в рамках действия УПК РСФСР 1960 г. ч. 2 ст. 96, допускающей заключение под стражу граждан в силу одной опасности совершенного преступления, к категории которых относилось более 1 млн. краж чужого имущества; принятие Федерального закона от 31.10.2002 № 133-ФЗ, которым наказание в виде лишения свободы на срок до 6 лет по ч. 2 ст. 158 УК за квалифицированные виды краж, включая тайное хищение «банки соленых огурцов из сарая в подвале жилого дома», было дифференцировано с отнесением абсолютного числа данного вида краж к преступлениям средней тяжести⁷; передачу в связи с принятием УПК РФ полномочий по заключению подозреваемых, обвиняемых под стражу от прокурора к суду.

Эти меры обеспечили сокращение к 2019–2020 гг. числа содержащихся под стражей граждан до 500 тыс. (на 1 января 2021 г. — 482 832 чел.), а числа ежегодно заключаемых под стражу лиц в процессе предварительного расследования — более чем в шесть раз (с 450 тыс. в 1998 г. до 76,2 тыс. в 2020 г.).

К мерам законодателя по снижению уровня уголовной репрессии следует отнести и принятие федеральных законов от 08.12.2003 № 162-ФЗ⁸ (в части исключения нижних пределов санкций в виде лишения свободы из абсолютного большинства преступлений небольшой и средней тяжести), от 28.12.2008 № 280-ФЗ⁹ и 07.03.2011 № 26-ФЗ¹⁰ (нижние пределы санкций в виде лишения свободы были исключены еще из значительного количества тяжких и особо тяжких преступлений). К данной мере следует отнести и предоставление суду Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ права на изменение категории преступления на менее тяжкую.

Следует также учитывать, что разделение всех общественно опасных деяний на преступления и проступки преследует цель достижения более точной социально-правовой оценки деяния, производимой с учетом характера

---

⁷ Проект данного закона был предложен одним из авторов настоящей публикации — профессором Б.Я. Гавриловым.

⁸ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

⁹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции»: Федеральный закон от 28.12.2008 № 280-ФЗ // СЗ РФ. 2008. № 52 (часть I). Ст. 6235.

¹⁰ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 07.03.2011 № 26-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 11. Ст. 1495.

и степени его общественной опасности; большей дифференциации и индивидуализации ответственности; более целенаправленной организации профилактической работы, на что должно быть нацелено, по мнению Г.А. Кригера, совершенствование уголовного законодательства, актуальность чего не утрачена и в настоящее время [Кригер Г.А., 1979: 3–9].

Следующая группа вопросов (по В.Н. Кудрявцеву), составляющих социальную необходимость той или иной правовой нормы, включает в себя общественные отношения в механизме правотворческой деятельности. Законодатель, хотя и формально, но идет по пути выделения в уголовном законе группы преступлений (по сути — уголовных проступков) с отнесением к ним преступлений небольшой тяжести, к которым сегодня ч. 2 ст. 15 УК РФ относит умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание в виде лишения свободы не превышает трех лет. Это позволяет выдвигать тезис о существовании уголовных проступков де-факто, что нашло отражение и в других положениях уголовного и уголовно-процессуального законодательства: 1) в выделении группы преступлений небольшой тяжести (ч. 2 ст. 15 УК); 2) в отнесении преступлений небольшой тяжести к компетенции органов дознания (ч. 3 ст. 150 УПК РФ); 3) в определении подсудности мировым судьям уголовных дел о преступлениях, максимальное наказание за совершение которых не превышает трех лет (ст. 31 УПК), на что обращает внимание и В.Ф. Цепелев [Цепелев В.Ф., 2005: 631–633].

Еще одна (по В.Н. Кудрявцеву) составляющая социальной обусловленности той или иной правовой нормы связана и с тем, каким образом принимаемая законодателем норма повлияет на интересы тех граждан, должностных лиц, которые не участвовали в непосредственном процессе принятия данной законодательной нормы. Как представляется, введение уголовного проступка с его правовым режимом, отличным от преступления, положительно скажется в отношении лиц, совершивших преступления, не представляющие большой общественной опасности. Именно эта категория лиц, совершивших противоправные деяния, и призвана стать адресатом нормы, закрепляющей уголовный проступок. При этом учитываются также характер и степень общественной опасности тех деяний, которые совершили эти лица (при переводе их в уголовные проступки); их социальный облик, правовая и криминологическая характеристики существенно отличаются от тех лиц, которые совершают тяжкие и особо тяжкие преступления, являются рецидивистами.

Кроме того, в отношении указанных лиц широкую практику применения должны получить наказания, не связанные с лишением свободы. К чему, кстати, движется судебная практика наказания, приведенная в таблице № 1.

Современные исследования свидетельствуют о том, что действующий УК РФ переполнен уголовно-правовыми запретами, а места лишения свобо-

Таблица 1. Статистические данные о назначенных судом наказаниях за период с 2010 по 2020 гг.

Статьи УК РФ	Всего по составам УК РФ				
	2010	2017	2018	2019	2020
Всего осуждено	845 071	697 054	658 291	598 214	530 965
Лишение свободы	262 870	197 561	187 794	172 914	149 682
Условное осуждение к лишению свободы	306 809	76 633	169 030	157 051	147 751
Ограничение свободы	8 053	25 114	22 966	20 394	20 099
Исправительные работы	43 571	56 456	56 450	51 684	40 921
Обязательные работы	80 558	129 382	116 058	100 807	92 604
Принудительные работы	—	480	795	908	947
Штраф	123 759	90 791	85 760	75 200	61 700
Условное осуждение к иным мерам	15 121	12 813	12 629	11 984	10 311

ды — осужденными (как отмечено выше, их число в 1999 г. достигло миллионного рубежа). В России количество лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, на 100 тыс. населения составляет 630 человек, в то время как в скандинавских странах это число равно 88, в Италии — 78, во Франции — 100, Испании — 126 и т.д. По данным опроса, проведенного среди самих заключенных, половина респондентов (49,2%) считает, что тюрьма не воспитывает и не исправляет, а только калечит судьбы [Сизова В.Н., 2020: 6–7]. Это практикующие юристы и большая часть россиян знают не понаслышке, поскольку при освобождении из мест заключения у этих лиц возникает множество вопросов, связанных с адаптацией к условиям жизни на свободе, трудоустройством, регистрацией по месту прежнего жительства, защитой своего права на жилплощадь и т.п. Более того, изоляция от общества, как правило, вызывает изменения в психике человека, приводит к деформации личности, к утрате части социальных навыков, связей, функций, что нередко является причиной повторного совершения преступлений. Изложенное позволяет утверждать правомерность вывода о том, что цель исправления лиц, совершивших преступления, в современных пенитенциарных учреждениях не достигается. Это признается и практическими работниками уголовно-исполнительной системы, и специалистами девиантологии, социологии, криминологии, психологии и других смежных областей.

На протяжении последних трех десятилетий складывалась ситуация, когда к уголовной ответственности ежегодно (1992–2001 гг.) привлекалось более 1,5 млн. взрослого населения страны, в 2012–2017 гг. — около 900 тыс. Хотя в последующие годы их число сократилось (в 2018 г. до 831 тыс., в

2019 г. до 789 тыс. и в 2020 г. до 751 тыс.), это, тем не менее, продолжение криминализации общества.

Подход государства к решению данной проблемы должен заключаться в том, чтобы исключить случаи попадания в места лишения свободы лиц, осужденных за преступления, не представляющие большой общественной опасности, чье исправление возможно достичь, применив наказания, не связанные с лишением свободы. В этом заключается переосмысление роли уголовного закона в воздействии на категорию граждан, совершивших противоправные деяния, не представляющие большой общественной опасности, и тем самым сокращение числа лиц, содержащихся в местах лишения свободы.

Эти очевидные факты привели к формированию мнения о необходимости декриминализации ряда деяний, не имеющих большой общественной опасности, и общего смягчения карательной политики. Так, Председатель ВС РФ В.М. Лебедев на протяжении ряда лет отмечает необходимость декриминализации некоторых составов преступлений небольшой тяжести¹¹, что сегодня реализовано федеральными законами от 03.07.2016 № 323-ФЗ¹² и № 326-ФЗ¹³, внесенными в Государственную Думу Пленумом ВС РФ. Однако, по нашему мнению, декриминализация части преступлений путем их перевода в административные правонарушения может ослабить борьбу с некоторыми опасными противоправными деяниями, как, например, кража чужого имущества или связанные с незаконным оборотом наркотиков.

К этой же категории противоправных деяний следует отнести и декриминализованные указанным Федеральным законом от 03.07.2016 побои, совершенные на «бытовой» почве, с переводом их в административные правонарушения, чем фактически и практически утрачено то их значение, которое заключалось в двойной превенции и многие десятилетия было направлено на предупреждение тяжких преступлений в «быту».

При этом внесенные указанным законом дополнения в УК РФ в части, касающейся криминализации мелкого хищения (ст. 158¹) и побоев (ст. 116¹), предусматривают в качестве одного из обязательных условий привлечения

---

¹¹ Интервью Председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева «Чиновник перед высшим судом. Вячеслав Лебедев: мы поддержим гражданина в споре с бюрократом» // Рос. газ. 2008. С. 4803.

¹² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4256.

¹³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»: Федеральный закон от 03.07.2016 № 326-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4259.

к уголовной ответственности наличие административной преюдиции. Тем самым уголовная ответственность за указанные противоправные деяния возможна только в отношении лиц, подвергнутых за совершенные ранее аналогичные правонарушения административному наказанию. Это, на наш взгляд, нарушает один из основополагающих конституционных принципов, который заключается в том, что лицо не может дважды нести ответственность за одно и то же деяние. Указанные преступления, а также введенное в УК РФ мелкое взяточничество (ст. 291²) и десятки других составов преступлений небольшой тяжести могли бы быть отнесены к уголовным проступкам.

Законодательное закрепление категории уголовных проступков будет являться также серьезным шагом по пути повышения эффективности уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. Обособление значительного количества деяний, не представляющих большой общественной опасности (преступления небольшой тяжести и иные деяния, в силу своей малозначительности не представляющие общественной опасности), позволит правоохранительным органам сосредоточить свои усилия на выявлении, раскрытии и расследовании более опасных преступлений. Те органы, к подследственности которых будет отнесено расследование уголовных проступков, свои усилия направят на борьбу именно с этой категорией противоправных деяний, обеспечив их расследование в протокольной форме, которая будет предложена ниже.

Завершая анализ социально-правовой обусловленности введения в российское уголовное законодательство уголовного проступка, авторы считают возможным привести и криминологическое обоснование его введения, познание чего требует изучения состояния преступности и ее основных тенденций, понимание того, что она неоднородна.

2. Криминологическое обоснование проблемы

Изложенные выше точки зрения свидетельствуют о необходимости обратить внимание и на криминологическую характеристику преступлений, не представляющих большой общественной опасности, которые могут быть законодателем отнесены к затронутой в настоящей научной статье категории противоправных деяний. В связи с этим вызывает определенные трудности анализ структуры преступлений небольшой тяжести по причине того, что многие из них не находят должного отражения как преступления в уголовно-правовой статистике, которая и в целом отличается крайней недостоверностью сведений о состоянии преступности.

Е.В. Роговой проведен анализ преступлений, за которые максимальный срок лишения свободы составляет три года [Рогова Е.В., 2016: 17]. Его ре-

зультаты позволили сделать несколько основных выводов по состоянию уровня преступности на территории РФ, не относящейся к тяжкой. Ежегодно в РФ регистрируется порядка 1 млн. преступлений небольшой тяжести, что составляет от 35% до 44% в структуре зарегистрированной преступности. При этом с 2012 г. отмечалась тенденция их роста как в количественном отношении, так и по удельному весу. Некоторое сокращение в 2016–2020 гг. количественного показателя данного вида преступлений обусловлено декриминализацией их отдельных видов указанными выше федеральными законами от 03.07.2016 (таблица 2).

Таблица 2. Динамика зарегистрированных преступлений небольшой тяжести¹⁴

Годы	Количество зарегистрированных преступлений небольшой тяжести	Прирост к предыдущему году (%)	Удельный вес в общем количестве зарегистрированных преступлений (%)
2005	1 084 029	28,8	30,5
2006	1 265 271	16,7	32,8
2007	1 230 791	-2,7	34,4
2008	1 130 691	-8,1	35,0
2009	1 068 912	-5,5	36,0
2010	931 370	-12,9	35,0
2011	877 009	-5,8	36,5
2012	947 376	8,0	41,0
2013	928 424	-2,0	42,0
2014	924 177	-0,5	42,7
2015	1 037 365	+ 10,9	44,1
2016	953 895	-9,0	42,2
2017	914 535	-4,1	44,4
2018	920 153	+ 0,6	46,2
2019	875 332	-0,9	43,2
2020	845 487	-3,4	41,4

Аналогичный показатель составляет и доля осужденных в РФ за преступления небольшой тяжести, которая за последние годы ежегодно возрастала, достигнув к 2020 г. показателя 51,2% лиц от общего количества осужденных (таблица 3).

¹⁴ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2005–2020 гг. Available at: URL: [http:// www.cdep.ru](http://www.cdep.ru) (дата обращения: 29.03.2021)

Таблица 3. Число осужденных, в том числе за преступления небольшой тяжести

Годы	Всего осуждено	В том числе за преступления небольшой тяжести	То же, в %
2005	878 893	254 062	30,0
2006	909 853	280 445	30,8
2007	927 074	296 698	32,0
2008	925 166	323 470	35,0
2009	892 361	326 076	36,5
2010	845 071	309 528	36,6
2011	782 274	286 452	36,6
2012	739 278	273 346	37,0
2013	735 590	340 709	46,3
2014	719 305	330 898	46,0
2015	733 607	342 267	46,7
2016	740 380	364 382	49,2
2017	697 054	363 028	52,1
2018	658 291	347 066	52,7
2019	620 054	317 390	51,2
2020	530 965	274 934	51,8

Исследуя данную категорию преступлений, следует отметить ту их особенность, что они носят массовый характер и наиболее подвержены латентности, в результате чего многие из них не получают соответствующей уголовно-правовой оценки. Объективно подтверждают это и социологические опросы граждан на протяжении трех последних десятилетий, с высокой степенью объективности свидетельствующие, что почти каждый второй пострадавший в правоохранительные органы не обращался. В основном это касается преступлений рассматриваемой категории [Горяинов К.К., Овчинский В.С., Кондратюк Л.В., 2011: 61–62].

При изучении обоснованности введения в УК РФ уголовного проступка авторы обращаются к результатам анализа судебной практики применения наказаний за совершение преступлений небольшой тяжести, свидетельствующего, что одну треть из них составляет штраф и одну треть — условное осуждение к лишению свободы. Практика назначения судами штрафа за совершение данных преступлений стабильна и находится на одном уровне, а условное осуждение применяется, по нашему мнению, необоснованно широко.

Таким образом, криминологический анализ преступлений небольшой тяжести и лиц, их совершивших, как один из основополагающих аргументов, позволяет сделать достаточно обоснованный вывод о том, что значительную часть данных преступлений возможно выделить в группу уголовных проступков. В пользу предложенной дифференциации преступлений небольшой тяжести, которые составляют значительную часть преступлений в УК РФ, свидетельствует то, что вряд ли приведенная здесь характеристика лиц, их совершивших, позволяет назвать таких людей преступниками [Рогова Е.В., 2018: 129–135].

Криминологическая характеристика преступлений, которые предполагается перевести в категорию уголовных проступков, способствует выработке определенных предложений относительно их уголовно-правовой оценки. Так, например, предлагается, что за совершение уголовных проступков следует назначать наказания, не связанные с лишением свободы (исправительные работы, обязательные работы). Только в исключительных случаях возможно применение наказания в виде ареста. В некоторой степени следует поддерживать предложения тех ученых, которые предлагают перевести преступления небольшой и средней тяжести в уголовные проступки, за совершение которых следует выработать самостоятельную систему наказаний [Ишигеев В.С., 2011].

Кроме того, совершение уголовного проступка: не должно учитываться при признании рецидива; не должно влечь ответственности за покушение на них; не должно влечь за собой судимости. Виновные в совершении уголовных проступков освобождаются от уголовной ответственности при примирении с потерпевшим, деятельном раскаянии, по истечении срока давности в два года.

При формулировании концепции разделения общественно опасных деяний на преступления и уголовные проступки наряду с исследованием социальной и криминологической составляющих не меньший научный и практический интерес представляет историческая обусловленность категории уголовного проступка.

3. Историческая обусловленность проблемы

Вопрос о разграничении преступлений и проступков был поставлен в законодательской идеологии и практике Российской империи еще в XVIII в. При Петре I появляются понятия «преступление» и «проступок». Дифференциация преступления и проступка была обусловлена двуединым процессом, характеризующимся стремительно происходящими изменениями в социально-экономическом укладе общества, реформами государственного аппарата и распространением в России идей философии просвещения [Логецкий А.А., 2003].

Продолжая начинания Петра, Екатерина II в первом дополнении к большому Наказу Уложенной комиссии 1767 г. высказала мысль, что «не надобно смешивать великого нарушения законов с простым нарушением установленного благочиния: сих вещей в одном ряду ставить не должно»¹⁵. Эта идея нашла воплощение в Уставе благочиния (или полицейском) (1782), согласно которому лица, совершившие значительные правонарушения, направлялись в суд для определения им меры наказания, а по малозначительным нарушениям окончательное решение принималось в полиции. Тем самым была заложена основа практического разграничения преступлений и проступков.

Свое законодательное разрешение с учетом европейского опыта составления уголовных кодексов, в частности, Уголовного кодекса Франции (1810), в котором преступные деяния подразделялись на преступления, уголовные проступки получили в Своде законов Российской империи (1832), том XV которого был посвящен вопросам уголовного права. В книге первой «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» в главе первой «О существе преступлений и проступков, и о степенях вины»¹⁶ в ст. 1 давалось общее понятие преступления как всякого деяния, запрещенного законом под страхом наказания, а в ст. 2 приводилось определение маловажных преступлений и проступков как деяний, запрещенных под страхом легкого телесного наказания или полицейского исправления.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845) знало два понятия уголовно наказуемого деяния — преступление и проступок. Всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властей или же на права или безопасность общества или частных лиц — есть преступление (ст. 1 Уложения). Нарушение правил, предписанных для охранения определенных законом прав и общественной или же личной безопасности или пользы, именуется проступком (ст. 2 Уложения)¹⁷.

Таким образом, Свод законов Российской империи 1832 г. устанавливал различие между преступлением и проступком по тяжести наказания, а Уложение 1845 г. — по объекту посягательства. Преступление характеризовалось повреждением объекта, охраняемого законом, а проступок — нарушением закона, охраняющего благо. Следовательно, понятие проступка было более формализовано. В своей основе преступление и проступок являлись

¹⁵ Наказ Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения / под ред. Н.Д. Чечулина. СПб.: Императорская Академия наук, 1907. С. СХI–СХХХVI.

¹⁶ Свод законов Российской Империи. СПб., 1832. Т. XV. Книга первая «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных». Available at: URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/229/> (дата обращения: 26.03.2021)

¹⁷ Российское законодательство X–XX веков. Т. 6. М.: Юридическая литература, 1988. С. 310.

посягательствами на разные уровни правовых установлений. Дифференциация преступных деяний была основана на различии исторически сложившихся типов криминализации: первый тип соотносился с регламентацией основных (наиболее опасных) преступлений, второй — преступлений, проступков, общественная опасность которых была актуальна на определенный период. При этом ценность охраняемого объекта экстраполировалась на норму, содержащую уголовно-правовой запрет, тем самым определялась и важность этой нормы. Разграничение между преступлением и проступком проводилось также по роду назначаемого наказания. Преступления могли караться уголовными, а в отдельных случаях в качестве дополнительных — исправительными наказаниями. Проступки наказывались только исправительными наказаниями. В новых редакциях Уложения (1866 и 1885) различие между преступлением и проступком из Общей части было исключено.

Принятие Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (1864)¹⁸, обусловило значительную переработку уголовного законодательства. Проступками по Уставу именовались запрещенные под страхом наказания деяния. В статье 1 определялись следующие виды наказания за проступки, «означенные в сем Уставе»: выговоры, замечания и внушения; денежные взыскания не свыше 300 руб.; арест не свыше трех месяцев; заключение в тюрьме не свыше одного года.

Наиболее юридически разработанными были нормы о категоризации преступлений в Уголовном уложении (1903)¹⁹. Оно закрепляло уголовно-правовые последствия совершения общественно вредного деяния той или иной категории. В нем законодатель разграничивает преступные деяния на три категории: тяжкие преступления, преступления и проступки. К проступкам относились деяния, совершенные по легкомыслию и небрежности, или которые заключались в простом ослушании велениям законов, ограждающих безопасность и спокойствие, или которые нарушают лишь имущественные интересы казны, или хотя и причиняют кому-либо вред, но по существу незначительны. Такое деление преступных деяний проводилось в зависимости от назначаемых наказаний. Преступные деяния, за которые в законе определены как высшее наказание арест или денежная пеня, относились к проступкам.

Уголовный кодекс РСФСР (1922)²⁰ отказался от законодательного закрепления трех категорий уголовно наказуемых деяний, известных Уголовному уложению (1903). Несмотря на это, ряд авторов утверждал, что наличие в УК

---

¹⁸ Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. Судебная реформа. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. М.: Юрид. лит., 1991. С. 395–419.

¹⁹ Там же. Том 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М.: Юрид. лит., 1994. С. 240–319.

²⁰ О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР: Постановление ВЦИК от 01.06.1922 // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

РСФСР 1922 г. группы преступлений, дела по которым рассматривались народным судьей единолично, свидетельствует о том, что уголовный закон помимо преступлений различал и проступки [Познышев С.В., 1923: 39]. Обоснованность таких суждений подкрепляется наличием в уголовном кодексе административной и дисциплинарной преюдиции. Так, за ряд должностных преступлений УК РСФСР 1922 г. предусматривал возможность привлечения виновного к уголовной или дисциплинарной ответственности. Такие деликты, как самогоноварение или хулиганство были переданы на разрешение административных отделов исполкомов.

Принятый в 1926 г. УК РСФСР²¹ не содержал принципиального решения проблемы дифференциации преступлений в зависимости от их тяжести. В нем различались две категории общественно опасных деяний: 1) посягательства, направленные против основ советского строя, признававшиеся наиболее опасными; 2) все остальные посягательства (ст. 46). За преступления первой категории был определен предел, ниже которого суд не вправе был назначить меру социальной защиты судебно-исправительного характера. По всем остальным преступлениям устанавливался лишь высший предел.

Предложения о выделении в самостоятельную категорию преступлений, за которые применялись бы исключительно меры морального воздействия или принудительные работы и другие наказания без лишения свободы, были высказаны в 1926 г. на VI съезде деятелей юстиции²². Однако данное предложение принято не было.

Таким образом, ретроспективный анализ отечественного уголовного законодательства свидетельствует о том, что в советский период категория «уголовный проступок» была исключена. Одновременно появляется категория преступлений, не представляющих большой общественной опасности, получившая официальное закрепление в уголовных кодексах союзных республик 1959–1961 гг. Понятие преступления, не представляющего большой общественной опасности, применялось к решению вопроса об уголовной ответственности несовершеннолетних (ч. 3 ст. 10 УК РСФСР (1960)) и об освобождении лица от уголовной ответственности и наказания с передачей виновного на поруки (ст. 52 УК РСФСР). В других случаях, как, например, при освобождении лица от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд, закон вел речь о малозначительных преступлениях, т.е. деяниях, не представляющих общественной опасности (ст. 51 УК РСФСР) [Сизова В.Н., 2020: 6–47].

²¹ О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года: Постановление ВЦИК от 22.11.1926 // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

²² О VI Всероссийском Съезде работников советской юстиции // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 10.

8 февраля 1977 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О внесении изменений и дополнений в уголовное законодательство Союза ССР» была установлена возможность применения мер административной ответственности за преступления, не представляющие большой общественной опасности, чем фактически была предпринята попытка законодательно закрепить уголовные проступки²³. Одновременно в УК РСФСР были внесены изменения, исключаящие термин «малозначительные преступления», поскольку наличие в уголовном законе данного понятия вызывало трудности и ошибки в правоприменительной и судебной практике. Тем самым нормы, регулирующие порядок освобождения от уголовной ответственности с заменой ее мерами общественного либо административного воздействия, стали связывать с совершением преступления, не представляющего большой общественной опасности.

Давая оценку появлению в уголовном законодательстве данного понятия, С.Г. Келина отмечает, что вследствие нечеткого описания оснований дифференциации и индивидуализации закон открывает путь для недостаточно обоснованных, а порой и субъективных решений, что нарушает стабильность правоприменительной деятельности и противоречит таким принципам, как равенство граждан перед законом, а также неотвратимость и справедливость ответственности [Келина С.Г., 1984: 15].

Особое внимание следует обратить на то, что схожая с категорией уголовного проступка конструкция действия (бездействия), хотя формально и содержащего признаки какого-либо деяния, предусмотренного Особенной частью УК РСФСР, но в силу малозначительности не представляющего общественной опасности, была включена в ст. 7 УК РСФСР Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 03.12.1982 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР»²⁴. Указанное положение было включено законодателем и в ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Подводя итог ретроспективному анализу категоризации преступлений в отечественном уголовном законодательстве, представляется возможным сформулировать следующие выводы.

Классификация преступлений в зависимости от степени их тяжести и меры наказания появилась еще в дореволюционном уголовном законодательстве. Уголовное уложение 1903 г. проводило категоризацию преступлений на три группы, среди которых имела место группа уголовных проступков.

---

²³ О внесении изменений и дополнений в уголовное законодательство Союза ССР: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.02.1977 № 5199-IX // Ведомости ВС СССР. 1977. № 7. Ст. 116.

²⁴ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР: Указ Президиума ВС РСФСР от 03.12.1982 // Ведомости ВС РСФСР. 1982. № 49. Ст. 1821.

На отказ советского законодателя от выделения такой группы общественно опасных деяний, как уголовные проступки, в УК РСФСР 1960 г. предусматривалась уголовная ответственность за преступления, не представляющие большой общественной опасности, а в 1982 г. УК был дополнен понятием деяния, в силу малозначительности не являющегося преступлением.

Категория уголовного проступка не нашла закрепления и в действующем УК РФ, однако в ч. 2 ст. 14 УК РФ содержится понятие деяний, в силу малозначительности не являющихся преступлениями, которые наряду с преступлениями небольшой тяжести и частью преступлений средней тяжести могут стать основой формирования категории уголовных проступков.

4. Процессуальный аспект проблемы

Немаловажным для исследования категории уголовного проступка является его значение не только для дифференциации уголовной ответственности, но и формы его расследования, включая пересмотр правил начала производства по уголовному делу. Введение в российское законодательство уголовного проступка потребует разработки соответствующей ускоренно-упрощенной формы расследования данного вида противоправных деяний. При этом авторы исходят из того, что Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ²⁵ в УПК РФ уже включено сокращенное дознание, вызвавшее, с одной стороны, неподдельный научный интерес, а, с другой, его неоднозначную оценку учеными-процессуалистами и правоприменителями.

Практика применения дознания в сокращенной форме подтвердила опасения, что реализация его положений будет существенно затруднена. Достаточно подробный анализ сокращенного дознания сегодня дан рядом ученых [Гирько С.И., 2014: 22–27]; [Ярыгина Л.А., 2018: 255–263]. С учетом своего видения путей упрощения предварительного расследования в форме дознания авторы также высказывают обоснованные сомнения в полной их реализации. К числу существенных недостатков сокращенного дознания возможно отнести необоснованность позиции законодателя в выборе формы сокращенного дознания в зависимости от ходатайства подозреваемого, который сегодня в ряде случаев использует его как часть тактики для уклонения от уголовной ответственности, а также зависимость применения данной формы расследования от позиции потерпевшего. Отсюда и соответствующие результаты расследования.

---

²⁵ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

В 2019–2020 гг. количество направленных в суд уголовных дел сократилось до 85 тыс. против 105 тыс. в 2017 г., хотя количество преступлений, подпадающих под действие данной нормы, составило за этот период по экспертной оценке авторов более 200 тыс. Установленный законодателем срок расследования дознания в сокращенной форме — 15 суток с возможностью его продления прокурором до 20 суток, а с учетом практики использования еще 30 суток, установленных УПК РФ для проведения проверки сообщения о преступлении. Этот срок сегодня реально составляет до 2-х месяцев и более, что явно не коррелируется с сокращенным дознанием.

Исходя из изложенного, полагаем возможным предложить иной порядок расследования для категории деяний «уголовный проступок» при условии его введения в УК РФ — протокольную форму расследования, включающую в себя следующие требования.

Решение о производстве расследования в протокольной форме должно быть за уголовно-процессуальным законом и лицом, его производящим. Превалирование дискреционных полномочий указанного должностного лица позволит исключить возвращение из суда таких уголовных дел лишь по причине изменения, зачастую без достаточных оснований, позиции подсудимого и (или) потерпевшего, его представителя относительно примененного порядка судопроизводства.

При расследовании преступлений в протокольной форме расследования обязательным условием должно являться начало производства расследования по уголовному делу без вынесения процессуального решения о возбуждении уголовного дела. При этом моментом начала такого производства является принятие сообщения о преступлении (фактический момент) и его регистрация (момент юридический). Это предложение сегодня нашло отражение в Постановлении Конституционного Суда РФ от 13.06.2019 № 23-П²⁶, которым ч. 3 ст. 6¹ УПК РФ признана не соответствующей Конституции РФ, поскольку при определении разумного срока уголовного судопроизводства позволяет не учитывать период со дня подачи заявления лицом, потерпевшим от преступления, до момента возбуждения уголовного дела.

Возможный вариант реализации предлагаемой формы расследования — формализованный бланк единого протокола, в котором предлагается предусмотреть необходимые виды следственных действий: осмотр места происшествия, допрос подозреваемого, потерпевшего и разъяснение им процессуальных прав, изъятие вещественных доказательств и приобщение

---

²⁶ По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Б.А. Сотникова: Постановление Конституционного Суда РФ от 13.06.2019 № 23-П // Официальный интернет-портал правовой информации. Available at: URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.03.2021)

их к уголовному делу, назначение судебной экспертизы только в случае обязательного ее производства (ст. 196 УПК РФ). Одновременно к протоколу должна быть приложена справка с указанием свидетелей, которые могут быть вызваны в судебное заседание, а также справка (документ) о судимости и, возможно, иные документы, необходимые, по мнению органа расследования, в судебном разбирательстве.

Срок производства по такому уголовному делу ограничивается двумя сутками, что в условиях очевидности совершенного преступления (например, лицо задержано «с поличным» при совершении кражи продуктов питания или промтоваров в универсальном магазине) и, исходя из реальной практики, в том числе зарубежной, расследования таких преступлений, является вполне достаточным.

В целях расследования уголовного дела в указанный выше срок и для обеспечения исполнения приговора подозреваемое лицо (около 150 тыс. в год дополнительно к числу задерживаемых сегодня 130 тыс. подозреваемых) подлежит задержанию в порядке ст. 91, 92 УПК на срок до 48 часов, что одновременно должно способствовать резкому сокращению лиц (ежегодно 100 тыс.), находящихся в федеральном розыске, в основном, за указанные преступления.

После направления прокурором уголовного дела в суд последний незамедлительно назначает судебное заседание и одновременно в соответствии с п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ (с учетом внесения в данную норму изменений) продлевает задержание обвиняемого на срок не более 72 часов, в течение которого рассматривает уголовное дело.

Расследование по протокольной форме производства должны производить наряду с дознавателями иные должностные лица органа дознания, например, участковые уполномоченные полиции.

Реализация данных предложений призвана обеспечить своевременный доступ потерпевшего к правосудию, а также принцип неотвратимости наказания за совершенные преступления и, одновременно, защиту прав иных участников уголовного процесса, вовлеченных в сферу действия уголовно-правовых отношений.

Заключение

Законодательное закрепление уголовных проступков позволит обеспечить, с одной стороны, дальнейшую гуманизацию уголовной политики, а с другой — представить преступность адекватно сегодняшнему характеру и степени общественной опасности преступлений на две основные группы (уголовные проступки и преступления), а также призвано обеспечить сни-

жение числа лиц, осуждаемых к лишению свободы, и соответственно уровень судимости населения.

Уголовный проступок не имеет такой степени общественной опасности, которая характерна для преступлений. Однако квалификация некоторых деяний, которые в настоящее время закреплены в КоАП РФ, как уголовных проступков позволила бы подчеркнуть степень значимости отношений, на которые посягает правонарушитель, что будет, по нашему мнению, способствовать предупреждению преступлений.

Расследование уголовных проступков должно осуществляться по протокольной форме в течение 48 часов и с последующим их судебным разбирательством в срок до 72 часов, что повысит в целом эффективность уголовного судопроизводства и уровень обеспеченности прав участников указанного производства.

Список источников

1. Акутаев Р.М. Об уголовных проступках и категоризации преступлений в свете Постановления Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 г. // Российская юстиция. 2013. № 5. С. 41–45.
2. Воскобитова Л.А. Судопроизводство по делам об административных правонарушениях и его место в системе реализации судебной власти // Мировой судья. 2017. № 2. С. 28–34.
3. Гордиенко В.В. Законодательные новеллы и их роль в повышении эффективности борьбы с преступностью // Российский следователь. 2011. № 16. С. 3–5.
4. Горяинов К.К., Овчинский В.С., Кондратюк Л.В. Изучение общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. М.: ВНИИ МВД России, 2011. С. 61–62.
5. Головкин Л.В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые замыслы и реальная подоплека // Закон. 2018. № 1. С. 127–136.
6. Гирько С.И. Сбываются ли прогнозы и опасения о перспективах дознания в сокращенной форме? // Российский следователь. 2014. № 5. С. 22–27.
7. Дорошков В.В. К вопросу об уголовном проступке // Мировой судья. 2016. № 12. С. 31–39.
8. Ишигеев В.С. Современная система наказаний в России и пути повышения их эффективности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 4. С. 16–20.
9. Келина С.Г. Некоторые принципиальные идеи, лежащие в основе теоретической модели уголовного кодекса / Проблемы совершенствования уголовного закона. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1984. С. 5–18.
10. Кригер Г.А. Конституция СССР и совершенствование уголовного законодательства // Вестник Московского университета. Серия «Право». 1979. № 2. С. 3–9.
11. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М.: МГУ, 1969. С. 167–170.
12. Кудрявцев В.Н. Современная социология права: В.Н. Кудрявцев, В.П. Казимирчук. М.: Юрист, 1995. 303 с.

13. Логецкий А.А. Преступление и проступок в уголовном праве XIX — начала XX веков // Право и жизнь. 2003. № 56.
14. Орехов В.В. Социология в науке уголовного права. Л.: ЛГУ, 1985. 69 с.
15. Познышев С.В. Очерки основных начал науки уголовного права. Общая часть. М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. 300 с.
16. Рогова Е.В. О введении категории уголовного проступка в российское законодательство // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2 (46). С. 129–135.
17. Рогова Е.В. Уголовный проступок как проявление гуманизации уголовной политики России // Вестник университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 1 (75). С. 52–57.
18. Рогова Е.В. Уголовный проступок: концепция развития (мнение ученого и практика) // Публичное и частное право. 2016. № 4 (32). С. 7–45.
19. Сизова В.Н. Прогнозные тенденции российского уголовного законодательства. М.: Юрлитинформ, 2020. 240 с.
20. Сизова В.Н. Эволюция системы наказаний за совершение уголовных проступков в российском уголовном законодательстве // Российская юстиция. 2020. № 9. С. 24–26.
21. Толкаченко А.А. К обсуждению проекта федерального закона в связи с введением понятия уголовного проступка, или чем может помочь Постановление Пленума ВС РФ от 31.10.17 № 42 // Закон. 2018. № 1. С. 137–150.
22. Цепелев В.Ф. Соотношение преступления и иных правонарушений: сравнительный аспект / Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы: материалы конф., посвященной 250-летию образования Москов. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, Москва, 27–28 мая 2004 г. М.: ЛексЭст, 2005. С. 631–633.
23. Щедрин Н.В. Основные направления реформирования системы мер уголовного воздействия: опыт законодательного проектирования // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 2. С. 5–13.
24. Шаргородский М.Д. Вопросы общего учения о наказаниях в период развернутого строительства коммунистического общества // Межвузовская научная конференция «Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма». Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. С. 78.
25. Ярыгина Л.А. Упрощенная процедура уголовного судопроизводства для уголовного проступка / Обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства: материалы круглого стола (Москва, 19 декабря 2017 г.). М.: Российский государственный университет правосудия, 2018. С. 255–263.

References

1. Akutaev R.M. (2013) On criminal misconduct and categorization of crimes in the light of the Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 14, 2013. *Rossiiskaya justicia=Russian Justice*, no 5, pp. 41–45 (in Russ.)
2. Gavrillov B.Ya. (2020) Criminal misconduct in the structure of criminal law: past, present, future. *Juridicheskaya technologiya=Legal technology*, no 14, pp. 387–400 (in Russ.)
3. Gavrillov B. Ya., Rogova E. V. (2016) Criminal misconduct: a concept of development (the opinion of a scientist and a practitioner). *Publichnoe i chastnoe pravo=Public and private law*, no 4 (32), pp. 7–45 (in Russ.)

4. Gordienko V.V. (2011) Legislative novels and their role in improving the effectiveness of the fight against crime. *Rossiiski sledovatel=Russian investigator*, no 16, pp. 3–5 (in Russ.)
5. Goryainov K.K., Ovchinsky V.S., Kondratyuk L.V. (2011) *Study of public opinion on the level of personal security and the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation*. Moscow: MVD, pp. 61–62 (in Russ.)
6. Golovko L.V. (2018) The bill on criminal misconduct: imaginary designs and real background. *Zakon=Law*, no 1, pp. 127–136 (in Russ.)
7. Girko S.I. (2014) Do the forecasts and fears about the prospects of the inquiry come true in a shortened form? *Rossiiski sledovatel=Russian investigator*, no 5, pp. 22–27 (in Russ.)
8. Doroshkov V.V. (2016) On the issue of criminal misconduct. *Mirovoi sudia=Magistrate judge*, no 12, pp. 31–39 (in Russ.)
9. Ishigeev V.S. (2011) The modern system of punishments in Russia and ways to improve their efficiency. *Zhournal po kriminologii Baikalskogo Gosudarstvennogo Universitetf Economici i Prava = Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law*, no 4, pp. 16–20 (in Russ.)
10. Krieger G.A. (1979) Constitution of the USSR and improvement of criminal legislation. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seria Pravo=Bulletin of Moscow University. Series Law*. no 2, pp. 3–9 (in Russ.)
11. Kuznetsova N.F. (1969) *Crime and criminality*. Moscow: MSU, pp. 167–170 (in Russ.)
12. Logetsy A.A. (2003) Crime and misconduct in criminal law of the XIX — early XX centuries. *Pravo i zhizn=Law and Life*, no 56 (in Russ.)
13. Orekhov V.V. (1985) *Sociology in the science of criminal law*. Leningrad: Leningrad State University, 69 p. (in Russ.)
14. Poznyshev S.V. (1923) *Essays on the basic principles of the science of criminal law. A common part*. Moscow: Narkomjust, 300 p. (in Russ.)
15. Rogova E.V. (2018) On the introduction of the category of criminal offense in Russian legislation. *Trudi Akademii upravleniya MVD Rossii=Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no 2 (46), pp. 129–135 (in Russ.)
16. Rogova E.V. (2020) Criminal misconduct as a manifestation of the humanization of Russia's criminal policy. *Vestnik universiteta procuraturi Rossiiskoi Federatsii=Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, no 1 (75), pp. 52–57 (in Russ.)
17. Rogova E.V. (2016) Criminal misconduct: a concept of development (the opinion of a scientist and a practitioner). *Publichnoe i chastnoe pravo=Public and private law*, no 4 (32), pp. 7–45 (in Russ.)
18. Sizova V.N. (2020) *Forecasting tendencies of Russian criminal legislation*. Moscow: Jurlitinform, 240 p. (in Russ.)
19. Sizova V.N. (2020) Evolution of the system of punishments for committing criminal offenses in the Russian criminal legislation. *Rossiiskaya Justicia=Russian justice*, no 9, pp. 24–26 (in Russ.)
20. Tolkachenko A.A. (2018) To the discussion of the draft federal law in connection with the introduction of the concept of a criminal offense, or how the Resolution of the Plenum of the RF Supreme Court of 31.10.17 No. 42 can help. *Zakon=Law*, no 1, pp. 137–150 (in Russ.)
21. Tsepelev V.F. (2005) The Ratio of crimes and other offences: comparative aspect. Ratio of crimes and other offenses: modern challenges: materials of the Conference. Moscow, MSU, pp. 631–633 (in Russ.)

22. Shchedrin N.V. (2012) The main directions of reforming the system of criminal measures: the experience of legislative design. *Criminological journal of the Baikal State University of Economics and Law*, no 2, pp. 5–13 (in Russ.)
23. Shargorodsky M.D. (1961) *Questions of the General doctrine of punishment in the period of the expanded construction of the Communist society*. Leningrad: LSU publ., 78 p. (in Russ.)
24. Voskobitova L.A. (2017) Litigation in cases of administrative offenses and its place in the system of implementation of the judicial power. *Mirovoi sudia=Magistrate judge*, no 2, pp. 28–34 (in Russ.)
25. Yarygina L.A. (2018) Simplified procedure for criminal proceedings for a criminal offense. Ensuring constitutional rights and freedoms of participants in criminal proceedings: *materials of a round table* (Moscow, December 19, 2017). Moscow: Russian State University of Justice, pp. 255–263 (in Russ.)
-

Информация об авторах:

Б.Я. Гаврилов — профессор, доктор юридических наук.

В.А. Крымов — ведущий научный сотрудник, кандидат юридических наук.

Ю.В. Шпагина — старший преподаватель, кандидат юридических наук.

Information about the authors:

B.Ya. Gavrilov — Professor, Doctor of Science (Law).

V.A. Krymov — Candidate of Science (Law), Leading Researcher.

Yu.V. Shpagina — Candidate of Science (Law), Senior Lecturer.

Статья поступила в редакцию 07.03.2021; одобрена после рецензирования 19.05.2021; принята к публикации 26.08.2021.

The article was submitted 07.03.2021; approved after reviewing 19.05.2021; accepted for publication 26.08.2021.

Научная статья

УДК: 343

DOI:10.17323/2072-8166.2022.1.140.163

Юридическое лицо как средство, способ и орудие совершения преступления

Виолетта Валерьевна Бальжинимаева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
101000 Россия, Москва, Мясницкая ул., 20., vbalzhinimaeva@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3832-7151>

Аннотация

Наиболее известным спором, касающимся включения юридического лица в уголовно-правовое регулирование, стала дискуссия о возможности его уголовной ответственности. Аргументация строилась вокруг разного понимания сущности юридического лица: фикции или реальности. Однако со временем стали рассматриваться другие способы проявления юридических лиц в орбите уголовного права. В частности, юридическое лицо предложили рассматривать не как субъект преступления, а как средство, способ или орудие совершения преступления. Аргументация исследователей, сторонников и противников этого предложения рассматривается в данной статье. Мы также обращаемся к судебной практике, чтобы оценить, как отражается такой подход к юридическому лицу в реальной правоприменительной деятельности. В качестве орудия юридическое лицо предлагают рассматривать сторонники его фиктивной сущности. Противники такого подхода указывают, что орудие — это всегда реальный материальный предмет, которым юридическое лицо не является. Однако этот аргумент не мешает судам на практике признавать юридические лица орудием совершения преступления. В таких случаях реальность организации не берется в расчет судом, поскольку он при принятии решения фокусируется исключительно на физическом лице. Некоторые исследователи предлагают рассматривать юридическое лицо как фикцию в качестве средства совершения преступления. Однако средством совершения преступления в данном случае становится не юридическое лицо в целом, а только его отдельные элементы. Этот подход также находит отражение в судебной практике. Еще одним вариантом проявления юридического лица в уголовном праве становится рассмотрение его как способа совершения преступления. В судебной практике мы видим прямое указание на то, что физическим лицом юридическое лицо было создано с целью совершения преступления. Таким образом, в теоретических работах споры о включении юридического лица в орбиту уголовного права продолжаются. Аргументация в этих спорах базируется на применении теории фикции или теории реальности юридического лица. Анализ судебной практики